

Сын Отечества

В своей оправдательной речи Сократ, согласно Платону, сказал следующее: «Поистине, афиняне, дело обстоит так: где кто занял место в строю, находя его лучшим для себя... тот там, по моему мнению, и должен оставаться, несмотря на опасность, пре небрегая и смертью, и всем, кроме позора... Если бы теперь, когда меня Бог поставил в строй, обязав, как я полагаю, жить, занимаясь философией и испытывая самого себя и людей, я бы вдруг испугался смерти или еще чего-нибудь и покинул строй, это был бы ужасный поступок... Избегнуть смерти нетрудно, афиняне, а вот что гораздо труднее – это избежать испорченности: она настигает стремительней смерти». Эти слова Чеслав Станиславович Кирвель, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы, автор более чем 270 научных работ, в том числе целого ряда монографий, учебников, учебных пособий, включил в текст одной из глав учебника по истории философии не случайно. Это его кредо. Множество людей, знающих Ч.С. Кирвеля, – студентов и магистрантов, коллег и учеников, друзей и оппонентов – с готовностью согласятся с тем, что человек он уникальный, удивительно целостный, талантливый, яркий. К своему 70-летию он подходит полным энергии, вдохновения, задумок. Не страшась препятствий и не щадя себя, реализуя множество планов, успевая выполнить за короткое время немислимое количество задач, он увлекает за собой, восхищает глубиной мысли, принципиальностью позиций, неповторимой стилистикой речи и письма.

Чеслав Станиславович – автор учебников и учебных пособий, монографий, среди которых «Асновы філасофіі» (1994), «Гісторыя філасофіі» (1997), «Соціальная філасофія» (2011; 2013, соавтор О.А. Романов), «Філасофія і методалогія навуки» (2012), «Філасофія» (2013), «Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов» (2008, 2009, 2010) и ряда других.

Лауреат премии журнала «Наш современник» в номинации «Лучшие публикации года» за статью «Регионализация мира и восточное славянство» (2010). Лауреат III Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» в номинации «Публицистика» (2012). Награжден медалью Франциска Скорины (2005).

Откуда такая яркость и неутомимость натуры, редкостная работоспособность и творческий порыв? Конечно, это и врожденные задатки, и обстоятельства жизни, и самостоятельность личного выбора. Родился Чеслав Станиславович 9 марта 1945 года в д. Мякиши Щучинского района Гродненской области в бедной крестьянской семье, в которой он был девятым, младшим ребенком, в пять лет оставшимся без отца. В крестьянском хозяйстве все делалось своими руками, жизнь требовала труда и дисциплины, мудрости и терпения. И у деревенского мальчика, которого не всегда пускали в школу, так как надо было помочь семье, росла уверенность, что, поняв мир как следует, можно сделать так, чтобы всем в нем было хорошо. Уехав после девятого класса в Калининградскую область, работая на судоремонтном заводе днем и посещая вечернюю школу после работы, вчерашний мальчишка твердо решил поступать на философский факультет. К этому времени были прочитаны сотни книг и сформулированы серьезнейшие вопросы: в чем смысл жизни? Как устроен мир? Как сделать общество лучше, справедливее? Студенческие годы тоже были нелегкими – приходилось сочетать учебу с работой матросом, кочегаром, плотником, все каникулы проводить в стройотрядах, набираясь опыта преодоления трудностей, погружаясь в живой поток межчеловеческих отношений, принимая решения, делая выбор.

«Став студентом философского факультета Ленинградского государственного университета, – писал Ч.С. Кирвель, – я скоро понял, что переустройство мира на началах добра и справедливости не может быть достигнуто по чьему-нибудь желанию, что общество – чрезвычайно сложная система,

вмешиваясь в которую по субъективному произволу можно только навредить, что улучшить мир можно только изнутри, через собственное нравственное совершенствование, осуществление своего профессионального и человеческого долга». Однако преодоление юношеских иллюзий стало первым шагом к исследовательскому интересу – подготовленная в аспирантуре Ленинградского университета кандидатская диссертация Ч.С. Кирвеля была посвящена проблеме утопического сознания. Один из его друзей рассказывал о редком случае: когда молодой соискатель закончил свой доклад по теме исследования, почтенные профессора – члены Совета по защите диссертаций – зааплодировали: было понятно, что за работой стоит подлинный талант и профессиональная зрелость. Защищенная впоследствии докторская диссертация стала еще одним подтверждением исследовательской целеустремленности и глубины мышления. Прислушаемся к юбиляру: «Относительно того, кто повлиял на мое развитие как исследователя и преподавателя, я могу ответить кратко – та атмосфера (витающий дух) научности и творчества, которая господствовала на философском факультете Ленинградского университета. Там было много ученых, творцов науки, бесконечно преданных своему делу. Они-то и увлекали нас, вовлекали в орбиту научного поиска, являли собой, своими личностями живой пример бескорыстного созидания (из 90 студентов моего курса около тридцати защитили докторские диссертации)».

О чем бы ни писал Ч.С. Кирвель, а тематика его исследований широка и разнообразна, более всего его заботит судьба восточнославянского общества, перспективы его исторического самоопределения, самоутверждение самобытной культуры и уникального духовного строя близкородственных народов, вместе переживавших страшные исторические испытания. Новые потрясения, через которые им доводится проходить ныне, возможно, та высокая цена, которую в современном мире стандартизации культуры и выхолащивания духовных ценностей приходится платить за право остаться собой, не раствориться в унифицированном мире стандартов, определяемых извне. Подлинный патриот, бескомпромиссный полемист, Ч.С. Кирвель на занятиях со студентами и в статьях, в

◀ Чеслав Станиславович
Кирвель

монографиях и учебных текстах всеми силами разума отстаивает мировоззренческие позиции, способствующие формированию зрелого и ответственного гражданина, широко мыслящего и осмысленно действующего современного человека. Но прежде всего он остается Философом, понимающим, вслед за К. Ясперсом, задачу философствования так: «Стать подлинным человеком посредством понимания бытия, или, что то же самое, стать самим собой...». А вот его замечательное напутствие: «Тем, кто вступил на путь философствования, приобщился к философии, открываются такие прекрасные дали, такие горизонты, от созерцания которых они уже не откажутся. Философия не только учит человека самостоятельно мыслить, она также учит его по-настоящему радоваться и по-настоящему страдать. Она позволяет человеку, несмотря на превратности жизни, сохранять душевное равновесие и способность быть счастливым».

Инна БУСЬКО,
кандидат философских наук,
Снежана СЕМЕРНИК,
кандидат философских наук,
Олег РОМАНОВ,
кандидат философских наук

Компьютеризация и образование

Инна БУСЬКО,
кандидат философских наук, доцент

Чеслав КИРВЕЛЬ,
доктор философских наук, профессор

Каждая эпоха порождает свои ценности и идеалы, определенный образ жизни и стиль мышления, картину мира и ритмы изменений. Есть и неустраняемая связь целого и его частей, общего и отдельного. Так, в масштабных характеристиках духа времени просматривается, казалось бы, деталь, подробность – то, как люди осваивают прежний опыт и вырабатывают новый, как они обучаются и воспитываются. Но оказывается, эти подробности приобретают немалый вес и значение, поскольку то и дело обнаруживается их системная связь с эпохальным целым. И тут нам, конечно, понадобятся как общие концептуальные знания о развитии общества в его эпохальных особенностях, так и сведения об основных способах и средствах обучения.

В последние десятилетия в исследованиях социальных изменений стали широко использоваться идеи концепции типов цивилизационного развития. В предельно упрощенном виде развитие общества согласно этой концепции можно представить как переход от дикости и варварства к цивилизации. Однако стадия цивилизации, связанная с такими важнейшими признаками, как формирование государственности, возникновение городских поселений и изобретение письменности, имеет внутреннее членение. Так, в течение длительного времени в разных регионах

земного шара существовали цивилизации традиционного типа, основу хозяйственной жизни в которых составляли земледелие и скотоводство, главным содержанием культуры выступала религия, а важнейшей ценностью общества – традиции.

Традиционные цивилизации Древнего Египта, Месопотамии, Китая, Индии, Древней Греции и Рима имели, конечно, свой неповторимый колорит и несравнимые достижения, но указанные признаки были присущи каждой из них. Изобретение письменности дало им возможность сохранять и приумножать опыт оружейно-технического

ОБ АВТОРАХ

БУСЬКО Инна Владимировна.

Родилась в пос. Хвоенск Житковичского района Гомельской области. В 1985 году окончила гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета, в 2003 году – аспирантуру Гродненского государственного университета имени Я. Купалы.

В 1985–1989 годах преподавала в Новосибирском фармацевтическом училище. С 1993 по 1998 год – старший лаборант кафедры иностранных языков, с 1998 года – преподаватель кафедры общественных наук Гродненского государственного аграрного университета.

Кандидат философских наук (2003), доцент (2008).

Автор более 60 научных работ, в том числе монографии, учебного пособия и учебников.

Сфера научных интересов: исследование проблем социокультурной динамики, факторов развития социокультурной сферы, в том числе роли ментальности в динамике социокультурных процессов.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович.

Родился в 1945 году в д. Мякиши Щучинского района Гродненской области. В 1972 году окончил философский факультет Ленинградского государственного университета, в 1976 году – аспирантуру этого вуза.

В 1977–1980 годах работал старшим преподавателем кафедры философии в политехническом институте в Комсомольске-на-Амуре. С 1980 года – и.о. заведующего, с 1981 года – заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы.

Доктор философских наук (1990), профессор (1992).

Автор более 270 научных работ, в том числе целого ряда монографий, учебников и учебных пособий.

Сфера научных интересов: исследование вопросов цивилизационной динамики, прежде всего в восточнославянских странах, проблем общественного сознания, а также предвидения и прогнозирования будущего человеческого общества.

освоения среды, нравственного и правового регулирования отношений между людьми, а также через постижение религиозной мысли решать смысложизненные проблемы. В трех из них – Китае, Индии и Древней Греции в середине I тысячелетия до н.э., в так называемое «осевое время», надолго определившее основной вектор развития человечества, возникла философия, породившая рационально-теоретический способ сохранения и приумножения опыта в понятийной форме. Именно эти цивилизации не погибли и существуют поныне, постепенно трансформируясь, как Индия и Китай, или дав начало дочерней, западноевропейской цивилизации, как древняя Эллада. Именно в Западной Европе в лоне рационально-теоретического мышления в XVI–XVII веках начинается бурный расцвет научного знания, которое и привело ее к сдвигу цивилизационного типа развития: традиционная цивилизация сменилась индустриальной, или техногенной. Основой хозяйственной жизни стало промышленное, машинное производство, религия была вытеснена наукой на обочину культуры, важнейшей ценностью общества и символом появившейся идеи прогресса стали технико-технологические изобретения – инновации, как теперь модно говорить. Те цивилизации, где сохранился традиционный тип развития, попадая в колониальную зависимость от Запада или стремясь такой зависимости избежать, постепенно вынуждены были переходить к промышленному производству и трансформировать привычный уклад жизни.

Однако всего лишь за 300–400 лет небывало ресурсозатратное и остро конкурентное техногенное общество породило ряд проблем планетарного масштаба, угрожающих существованию человечества. Появились концепции «третьей волны» (О. Тоффлер) цивилизационного развития, постиндустриального (Д. Белл), информационного общества (Й. Масуда, М. Кастельс и др.). Пока философы осуществляли сложный анализ новых векторов развития, изъясняясь, как обычно, на не слишком доступном понятийном языке, в информационное пространство посыпались яркие метафоры – «экономика знаний», «общество знаний», «информационное общество». Не будучи в полной мере проясненными, они стали пониматься упрощенно. Дескать, достаточно оснастить учебные классы и ауди-

тории компьютерной техникой, дать доступ к Интернету, внедрить вместо классической лекции презентации, составить тесты контроля знаний – и все реализуется: резко повысится уровень знаний, семимильными шагами двинется вперед наука, сказочно обновятся производственные фонды предприятий, вырастет производительность труда и т.д. За скобками обоснования необходимости компьютеризации остались и прагматические коммерческие интересы производителей компьютерной техники и программного обеспечения и их торговых агентов, и предупреждения серьезных исследователей, касающиеся парадоксов и рисков широкого внедрения информационно-коммуникативных технологий.

Закон инерции общественного сознания в данном случае свелся не столько к сохранению позиций скептиков информатизации, которых удалось почти полностью нейтрализовать обвинениями в ретроградстве, архаичности и даже лени, сколько к затягивающейся ретивости сторонников компьютеризации охватить ею все стороны социальной жизнедеятельности, несмотря на очевидные, уже четко проявившиеся опасности и слабые места перехода от книжной культуры, объединявшей поколения и народы, к информационной, драматически их разъединяющей. «Информационное общество – это общество сетевых структур, децентрализованного управления, новых организационных стратегий», – отмечает российский исследователь А.И. Шендрик [1]. И тогда встает серьезнейший вопрос – каким будет способ сохранения и приумножения опыта у этого типа цивилизационного развития и будет ли он вообще?

У информационного общества, бесспорно, множество позитивных сторон, достоинств, перспективных тенденций. Вместе с тем нельзя отрицать и наличие у него значительного количества негативных проявлений, о которых необходимо не только говорить, но которым нужно реально противодействовать. Так, например, роль компьютерных технологий в образовании и профессиональной подготовке подрастающего поколения явно неоднозначна. Это проявляется, прежде всего, в том, что учащейся (и не только) молодежи благодаря современным информационным технологиям интенсивно и массово формируется клиповое мышление, «мышление в картин-

ках», что на деле, как это ни парадоксально, означает масштабный регресс в мыслительной сфере: возврат к допонятийному, мифологически-образному мышлению, господствовавшему в архаические эпохи, в «доэсовое» время.

Такого рода последствия применения компьютерных технологий в образовании позволяют многим исследователям говорить о наступлении своего рода эпохи новой иррациональности, о возвращении к до-рациональным формам мироощущения, о ренессансе неомифологизма и мистицизма, о переходе от логоцентрического отражения мира к его восприятию в визуальных образах. Оказалось, что Интернет с легкостью способен замыкать людей в «виртуальных мирах», где общение с фантомами становится предпочтительней, чем с людьми. Более того, Интернет, создавая иллюзию реального бытия в виртуальном мире, не просто закрепощает сознание человека, но и нередко погружает его в нравственно-духовный аутизм.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что деструктивная информация, характерная виртуальным коммуникациям, не только неподконтрольна обществу, но и доступна индивиду в гораздо большем объеме, чем полезная и позитивно-созидательная. По некоторым данным, информация, так или иначе связанная с порнографией, достигает в компьютерных сетях 60 %. Кроме этого, одной из негативных черт сформировавшегося типа общества выступают трудности выявления достоверных фрагментов из того информационного потока, который обрушивается на индивида. Вообще, если говорить об информации как таковой, то правильнее было бы рассуждать лишь о ценной, полезной информации. Она-то как раз и не прибавляется. Скорее наоборот, растет количество бессмысленной информации, производимой на псевдоинтеллектуальных конвейерах (современные СМИ, коммерческие издания, несоответствующая действительности реклама и т.п.), что приводит к существенным деформациям духовного мира человека.

Можно обнаружить определенную закономерность: чем больше информации дается человеку, тем менее он ориентируется в том, что происходит на самом деле. Известный французский исследователь А. Моль, автор концепта «мозаичной культуры» в работе, вышедшей на русском языке еще

в 1973 году, писал об этом так: «Знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, часто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану знаний» определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у «тканеобразного экрана» гуманитарного образования. Мы будем называть эту культуру «мозаичной», потому что она представляется по сути своей случайной, сложной из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т.п.)» [2, с. 44].

Накапливая огромные массивы информации, общество в то же время стремительно утрачивает способы работы с ней, логические средства ее оценки и перевода в статус достоверного знания. И если в царской России XIX века гимназисты глубоко и серьезно штудировали формальную логику – логику строгости знания, а в XX веке студенчество, в т.ч. и в Советском Союзе, прилично осваивало диалектическую логику – логику развития знания, то современные школьники и студенты довольствуются неструктурированной информацией, не проявляя стремления и умения строить самостоятельные системные рассуждения. Зато откуда-то у них берется уверенность в том, что они имеют «свое мнение». А то, что оно чаще всего и не «свое», и всего лишь мнение, а не знание, мало кому интересно, хотя мнение (от мнить, казаться) от знания (выражающего сущность вещей) отличал еще Платон.

Еще одним тревожным явлением, которое во многом порождено виртуальными коммуникациями, представляется разработка и использование информационных психотехнологий, от которых до зомбирования один шаг. В итоге получается, что человечество, благодаря современным информационным технологиям, незаметно и постепенно погружается в новую эпоху всепланетарного обмана. Происходит конструирование реальности средствами массовой коммуникации, которые начинают действовать в сознании людей как перво-причина, нередко наделяющая действи-

тельность вымышленными характеристиками. Иначе говоря, свершается глубинная реструктуризация всей культуры, связанная с переходом от ее просветительской модели, от слова и мысли к экранной, массовой, развлекательной, зомбирующей.

Бесспорно отрицательным примером здесь выступает и возникшая ныне у школьников, студентов, магистрантов возможность скачивать чужие тексты и выдавать их за свои собственные сочинения (рефераты, контрольные, курсовые и т.п.). В этом контексте можно говорить еще об одной беде: эпидемии тестов, подавляющих творческое, дивергентное мышление. Стандартизированные тесты требуют от ученика не воображения и умения самостоятельно мыслить, а хорошей памяти и элементарной сообразительности. «Привычка отвечать на вопросы, тыкая пальцами в клавиши, приводит к тому, что к нам приходят молодые люди, не умеющие говорить – высказать какую-то связную мысль для них невозможно, в лучшем случае – «да», «нет». Тесты полюбились детям, а значит, и их родителям, поскольку ученикам не нужно самим строить познавательную ситуацию, не требуется обосновывать свои мысли. Формируется механическое, принципиально нетворческое, так называемое конвергентное, т.е. нацеленное на поиск одного ответа, мышление. В то время как отечественная традиция образования и воспитания всегда была рассчитана на формирование способности вести многовариантный поиск, который обеспечивается дивергентным типом мышления. Если мы хотим технических открытий и развития высоких технологий, то именно разные варианты решения той или иной задачи и нужно культивировать» [3, с. 89].

Повсеместное насаждение тестов непосредственно связано и обусловлено механизацией и компьютеризацией образования. В своем пределе электронизация имеет тенденцию к исключению живого человека (педагога) из образовательного процесса, к автоматизации последнего. Если прибегнуть к рассуждениям в духе философии постмодернизма, то можно сказать, что за «смертью автора» наступает «смерть педагога» и «смерть оратора-докладчика» (презентации делают излишними всякое ораторское искусство). Иначе говоря, чрезмерное насаждение современных информационных технологий в образовательную

сферу оборачивается игнорированием личного начала в образовании, ведет к обезличиванию преподавания, отдаляет учителя от ученика. Но ведь именно учитель или преподаватель и является тем механизмом, который переводит общесоциальные цели в цели образовательного процесса.

Представляется, что в использовании информационных компьютерных технологий (ИКТ) следует соблюдать принцип разумной достаточности. «Закономерный вопрос, – справедливо отмечает И. Минералова, – где заканчивается разумность и начинается ИКТ-безумство, во-первых, и кто и как определяет «меру», во-вторых? Вот тут-то и педагог-практик, и ученый-методист должны руководствоваться единственно целесообразностью, поскольку и в методике и технологиях все определяется ею» [4]. Например, в процессе преподавания философии нет никакой необходимости и целесообразности использовать электронные средства обучения в такой же мере, как, скажем, в начертательной геометрии, поскольку философские понятия и категории не поддаются визуальному изображению. Философия – это сфера чистой мысли. Попытки визуально изобразить такие философские понятия, как «антиномии разума» или, допустим «категорический императив», заведомо бесперспективны. В любом случае это будет полнейшей профанацией учебного процесса по данной дисциплине. Поэтому вопреки существующим директивам выставлять в рейтинге высокие баллы преподавателям философии будет справедливо не за то, что они усиленно внедряют ИКТ в учебный процесс (а такой соблазн у некоторых преподавателей есть – ведь так намного проще), а за то, что они разумно воздерживаются от этого. В действительности, ИКТ в преподавании философских дисциплин имеют глубоко периферийное и вспомогательное значение. Да и вообще исследования, проводимые, например, учеными в ведущих вузах России, свидетельствуют о том, что никакой значительной пользы в освоении преподаваемых дисциплин с применением ИКТ нет. Американец Н. Дензин назвал болезнь представления информации в картинках «видеотией», Г. Померанц связал ее с путем к новому варварству, гуннам третьего тысячелетия.

Завершая рассмотрение данного сюжета, приведем суждение российского исследователя О. Верещагина, принадлежащее к

числу предельно заостренных: «Есть вещи, быстрое овладение которыми со стороны детей должно вызывать у взрослых не восторг, а ужас. Весь сектор «компьютерной культуры» относится как раз сюда. <...> Компьютеризация школы, кстати, на мой взгляд, вообще является преступлением. Да и дома компьютер должен быть только для взрослых. <...> Дети и подростки должны быть полностью выключены из компьютерного поля. До тех пор, пока наша цивилизация морально не созреет для того, чтобы ее дети с пеленок понимали пагубность некоторых действий, а взрослые – аморализм наживы на детской незрелости. <...> За наукообразными словами и выкладками о «неизбежном прогрессе», «всеобщей компьютерной грамотности» и даже «переходе цивилизации в новое качество» не стоит ничего. Более того, наблюдаемое нарастающее моральное одичание масс, физическое вырождение новых поколений, пандемии хронических болезней, бытовой инфантилизм, «безрукость» подростков ясно опровергают эти «научные» выкладки» [5].

Технико-бюрократический подход, доминирующий ныне в организации образовательного процесса в ряде стран СНГ, основывается по преимуществу на количественных показателях. Они позволяют создавать иллюзию управляемости, при этом качественно-содержательные характеристики почти полностью вытеснены из организации учебного процесса. Это особенно касается различного рода рейтингов, которые почему-то становятся необычайно популярными. Поскольку данные рейтингов считываются машиной, то правды на выходе мало. Это и понятно: машина выдает лишь однозначные ответы, а жизнь в своем существе противоречива и не поддается формализации. При этом такие рейтинги в большинстве своем не учитывают специфику факультетов, специальностей, кафедр выпускающих и не выпускающих, особенностей технических, общетеоретических, социогуманитарных дисциплин, уровень научности, социальную значимость и общественный резонанс публикаций вузовских ученых. То есть не учитывается все то, что не поддается формализации. Сегодня любой преподаватель-практик подтвердит: несмотря на все большую изоциренность документации, сопровождающей учебный процесс, качество знаний школьников и

студентов неуклонно снижается. Итог всего этого – нарастание расхождения между декларациями и реальными делами, между движением бумаг – инструкций, приказов, постановлений и т.п. – и действительной вузовской жизнью. Симулякров, имитаций мероприятий, различного вида конкурсов «для галочки» становится все больше, а по-настоящему системной, всеохватывающей деятельности по повышению содержательного, качественного уровня образования и воспитания все меньше.

Все здесь сказанное показывает, насколько важным и необходимым является контроль со стороны общества и граждан за процессами социального, нравственного и профессионального становления подрастающего поколения в условиях современных виртуальных коммуникаций.

Не случайно сегодня все больше и больше авторов пишут о «религии прогресса», «тирании прогресса», о потребности формировать к нему избирательное отношение. В реальности прогрессу всегда сопутствует антипрогресс. В человеческой истории всяким достижениям и успехам сопутствуют потери и неудачи. Далеко не всякое движение вперед, от старого к новому «прогрессивно». К сожалению, в наше время новое все чаще несет людям неизвестные ранее угрозы, риски и вызовы.

Не способствует личностному развитию и интенсивно насаждаемый сегодня в учебный процесс так называемый компетентностный подход, который сводится к «накачке» студента разного рода техническими навыками и умениями по успешному манипулированию (управлению) «объектами». При этом указанный подход зачастую сопрягается с практико-ориентированной направленностью подготовки специалистов. В связи с этим известный белорусский педагог Л.В. Хведченя пишет: «Практико-ориентированный характер знаний во все времена востребовался в качестве нормы, но никогда ранее компетентность не провозглашалась высшей целью образования. Попытки расширить понятие термина «компетентность» за счет включения в него других компетенций (академической, социально-личностной, профессиональной и др.) едва ли можно считать удачными, так как искажается либо нивелируется и смысл терминов, и исконный смысл образования (формирование образа человека). При таком подходе

высшее образование низводится до уровня ремесленного училища» [6, с. 82]. В сущности, такой подход к высшему образованию основан на предельно упрощенном варианте философии прагматизма (приветствуется то, что приносит сиюминутную выгоду). Это вольно или невольно предполагает приспособление, «адаптацию к уже сложившейся системе мирохозяйствования. На самом деле образование футуристично по природе, оно должно быть направлено на подготовку новых поколений для будущего, поэтому по морально-психологическим установкам призвано носить опережающий характер по отношению к практике» [6, с. 81]. Но разве может образование при таком понимании его практико-ориентированности носить опережающий характер по отношению к практике? Послать студентов для прохождения практики на заводы и фабрики, построенные в 50–70-х годах прошлого века, – дело малопродуктивное: это позавчерашний и вчерашний день. Можно сколько угодно петь дифирамбы компетентностному подходу к образованию, но в культурно-историческую традицию отечественной педагогики он вписывается с большим трудом и оговорками.

Современный выпускник университета должен быть не только человеком, сориентированным на «компетенции», обладающим лишь мозаичным, «фрагментарным», «лоскутным» сознанием, превращающим его в легкую добычу манипуляторов, но и личностью, достигшей в своем развитии высокого общегуманитарного культурного уровня и глубокой теоретической подготовки в своей профессиональной области. Замечено, что именно такого типа выпускники университетов «весьма динамичны, они улавливают новые возможности пограничных ситуаций и могут в них успешно работать, принимая разумные решения. Они могут формулировать идеи даже в тех плоскостях, перед которыми люди с мышлением замкнутого характера, как правило, останавливаются. Главные достижения современной цивилизации сотворены личностями, обладавшими такой универсальной культурой» [7, с. 78]. Известный математик академик Ю.И. Журавлев, анализируя современные проблемы интеллектуальной обработки данных, отмечает: «Мышление гуманитариев гораздо более продуктивно, чем решение формального математика. Гу-

манитарий часто дает неправильное объяснение своего решения, а решение принимает правильное» [8, с. 309].

Неучтенность всего сказанного по отношению к модернизации образования оборачивается парадоксом опасного рода: «образование дает профессиональное знание, наполняет память информацией, но оставляет пустой и неразвитой душу» [6, с. 80]. Все это может привести к тому, что мы останемся на «обугленном духовном пепелище» [9, с. 19]. В итоге сегодня мы стали свидетелями все более явной тенденции формирования человека, концентрирующего всю свою энергию на реализации какого-либо частичного момента человеческого бытия. Оказалось, что самым удобным человеком для управления является человек-функция, «частичный» человек, человек-потребитель, человек-«кочевник», человек-космополит, человек-«перекати-поле», лишенный укорененности в традиции, человек, доминирующим стремлением которого является желание «хлеба и зрелищ».

Нельзя не отметить роль, которую сыграло в формировании такого рода личности распространение в последнее время либеральной трактовки свободы как стремления к отмене всяких правил и ограничений в поступках человека. В реальной практике это оборачивается заменой внутренних, моральных основ человеческого поведения внешними, формальными, а действие всяких сдерживающих норм и правил ослабляется. Тем самым активизируется «темная» сторона человеческой породы, всякого рода разрушительные потенции, таящиеся в глубинных пластах человеческой психики. Следствием этого становятся «демонстративная грубость, наглость и агрессивность, «принципиальная беспринципность», презрение к общепринятым нормам, в первую очередь к нормам морали, ориентация на законы криминального мира, неуважение к старшим по возрасту и по статусу, публичный мат и др.» [10, с. 20]. Поскольку школа по необходимости накладывает различные ограничения на поведение подростков, то нередко между школьниками, для которых ложное понятие свободы стало высшей ценностью, и их учителями разворачивается настоящая война. В сегодняшней российской действительности примеров тому множество.

В Республике Беларусь «развязно-агрессивный» тип личности [11] пока еще не

получил такого широкого распространения, однако подобная тенденция просматривается и в средних школах, и в вузах. Это ни в коем случае нельзя игнорировать. Нельзя забывать, что отечественная система образования должна включать в себя не только обучение, ориентированное на достижение знаний, умений, т.е. компетенций, но и на воспитание, на формирование социально значимых качеств личности. Нельзя также не учитывать тот очевидный факт, что любая система воспитания «предполагает не только «пряники», но и «кнуты», разумные запреты и ограничения и действенные санкции за их нарушения.

В целом все эти только что означенные нами процессы обусловлены сущностной особенностью современной цивилизации, постулирующей приоритет внешнего над внутренним, материального над духовным. Переживания и духовные качества человека ныне растеряли свою значимость. Важными и интересными сегодня стали его статусные роли и достижения: где работает, сколько получает. С этим в значительной степени связаны и нарастающая имитационность, симулятивность в поведении и действиях многих людей. «Уже выросли поколения, которые искренне считают, что «ниче-

го настоящего нет», что можно и должно всех обмануть, не быть, а «казаться», что главное – материальное богатство и развлечения, а все остальное, включая труд, науку, семью, мораль – это только выдумка...» [12, с. 41–42].

В информационном обществе неминуемо будут и дальше продвигаться ценности западной культуры в ее постмодернистском состоянии, более того, будет нарастать тенденция американизации национальных культур даже там, где элиты пытаются сдерживать ее экспансию. И вряд ли «священная корова» информационно-компьютерных технологий, вытесняющая живое слово учителя или преподавателя, живое творчество процесса обучения и содержательную коммуникацию, сохраняющую правила логичного рассуждения, станет средством противоборства опустошению внутреннего мира человека.

Вообще что касается образовательных практик, то сегодня к ним у глобального управляющего класса (глобократии) сложилось весьма специфическое отношение, своего рода алгоритм: с одной стороны – понижение до предельного уровня всякого массового образования с целью формирования однообразной массы ориентированных на гедонизм и телесные удовольствия, эгоистических индивидов-потребителей, управляемых рекламой, и с другой – «концентрация элитарного образования в 2 процентах учебных заведений Запада, где запрещена тестовая система, где нет никаких упрощений» [13, с. 140–141]. При этом, как отмечает российский исследователь А. Фурсов, в понижении уровня массового образования Запад преуспел в значительно большей степени, чем мы. «Достаточно сравнить даже наши сейчас сильно ухудшенные по сравнению с советским временем учебники с американскими, американской школой, скажем 9–11 классов, чтобы зафиксировать этот тезис» [13, с. 141].

Что мы видим в сухом остатке? Модернизация и реформирование системы образования в нашем обществе должны осуществляться с опорой на свои, отечественные традиции; механическое и слепое заимствование чужого опыта, вдохновляемого коммерческими соображениями, вряд ли будет результативным. Подражание не может быть источником вдохновения и полноценного развития. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Шендрик, А.И. Информационное общество и его культура: противоречия становления и развития / А.И. Шендрик // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 4. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Shendrik/>. – Дата доступа: 01.02.2015.
2. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль; пер. с фр. – М., 2008.
3. Шамякина, Т.И. Проблемы образования с позиций филолога / Т.И. Шамякина // Социология. – 2014. – № 1. – С. 87–97.
4. Минералова, И. Прогресс подлинный и мнимый / И. Минералова // Литературная газета. – 2014. – № 6.
5. Верещагин, О.Н. Унылая пора? / О.Н. Верещагин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravda-tv.ru/2014/01/18/34937>. – Дата доступа: 01.02.2015.
6. Хведченя, Л.В. Природа кризиса в современном образовании / Л.В. Хведченя // Социология. – 2014. – № 1. – С. 78–86.
7. Берков, В.Ф. Опасный рубеж в модернизации сферы социально-гуманитарного образования / В.Ф. Берков // Социология. – 2012. – № 3. – С. 77–79.
8. Журавлев, Ю.И. Об интеллектуальных методах обработки информации / Ю.И. Журавлев // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 2. – С. 305–309.
9. Солженицын, А.И. Как нам обустроить Россию / А.И. Солженицын. – М., 1991.
10. Юревич, А.В. Дар данайцев: феномен свободы в современной России / А.В. Юревич // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 17–26.
11. Ениколопов, С.Н. Специфика агрессии в интернет-среде / С.Н. Ениколопов [и др.] // Психологический журнал. – 2006. – № 6. – С. 65–72.
12. Золотухина-Аболина, Е.В. Модернизация – архаизация – имитация: кто «правит бал»? / Е.В. Золотухина-Аболина // Философские науки. – 2012. – № 5. – С. 37–43.
13. Утрата определенности: очертания посткризисного мира (Седьмое заседание интеллектуального клуба журнала «Свободная мысль») // Свободная мысль. – 2014. – № 6.